

Гилберт Честертон

Преступление Гэбриела Гейла

Гилберт Честертон

Преступление Гэбриела Гейла

«ФТМ»

1929

Честертон Г. К.

Преступление Гэбриела Гейла / Г. К. Честертон — «ФТМ»,
1929 — (Поэт и безумцы)

ISBN 978-5-457-16893-0

«Доктор Баттерворт, знаменитый лондонский врач, сидел без пиджака, отдыхая после тенниса, потому что играл в жару на залитой солнцем лужайке. Плотный, приветливый с виду, он повсюду вносил дух бодрости и здоровья, что внушало доверие пациентам, но не слишком занимало его самого, ибо он был не из тех, кто ставит заботу о собственном здоровье превыше всего. Он играл в мяч, когда хотел, и бросал игру, когда хотел, – например, сейчас он бросил ее и ушел в тень покурить. Игра развлекала его, как хорошая шутка...»

ISBN 978-5-457-16893-0

© Честертон Г. К., 1929

© ФТМ, 1929

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Гилберт Честертон

Преступление Гэбриела Гейла

Из сборника «Поэт и безумцы»

Доктор Баттерворт, знаменитый лондонский врач, сидел без пиджака, отдыхая после тенниса, потому что играл в жару на залитой солнцем лужайке. Плотный, приветливый с виду, он повсюду вносил дух бодрости и здоровья, что внушало доверие пациентам, но не слишком занимало его самого, ибо он был не из тех, кто ставит заботу о собственном здоровье превыше всего. Он играл в мяч, когда хотел, и бросал игру, когда хотел, – например, сейчас он бросил ее и ушел в тень покурить. Игра развлекала его, как хорошая шутка. Для многих это значило, что он никогда не станет теннисистом, для него же – что он никогда не перестанет играть. Шутки он очень любил и замечал их там, где другой не заметит; так и теперь он заметил смешное, как шутка, сочетание красок. В темной рамке дверей, как в рамке сцены, сверкала золотом дорожка, по бокам ее рдели и пылали веселые тюльпаны, и четкостью своей, и яркостью подобные орнаменту персидской миниатюры, а посередине шел совершенно черный человек. И шляпа его, и костюм, и зонтик были черными, словно сам Черный Тюльпан ожил¹ и двинулся в путь. Однако минуты через две все стало на свои места: доктор узнал лицо под черными полями и, присмотревшись, понял, что шуткой тут и не пахнет.

– Здравствуйте, Гарт, – приветливо сказал он. – Что это с вами? Вы как на похороны собрались!

– Я и собрался, – отвечал доктор Гарт, кладя на стул черную шляпу. Он был невелик ростом, рыжеволос, а умное его лицо осунулось и поблекло.

– Простите, – быстро сказал Баттерворт, – я не подумал...

– Это похороны особые, – мрачно пояснил Гарт. – В таких случаях мы, врачи, делаем все, чтобы закопать пациента живым.

– Что вы такое говорите? – ужаснулся его коллега.

– А чтобы закопать его живым, – с жутким спокойствием продолжал Гарт, – нужны два врача.²

Баттерворт беззвучно присвистнул, глядя на сверкающую дорожку.

– Ах вон оно что! – проговорил он и отрывисто прибавил: – Да, дело неприятное. Но вам как будто особенно тяжело. Что, близкий друг?

– Лучший мой друг, кроме вас, – отвечал Гарт. – Лучший из нынешних молодых. Я давно этого боялся, но не думал, что это проявится в такой острой форме.

Он помолчал и быстро выговорил:

– Это Гейл. Он перестарался.

– В каком смысле? – спросил Баттерворт.

– Трудно объяснить, если вы с ним не знакомы, – сказал Гарт. – Он пишет стихи и картины и много странного делает, но главное – он решил, что может лечить сумасшедших. Лечил, лечил и сам свихнулся. Беда ужасная, но кто его просил их лечить?

– Я все-таки не пойму, – терпеливо сказал Баттерворт.

– Он считал, – ответил Гарт, – что у него свой метод: сочувствие. Нет, не в житейском смысле слова! Он думал и чувствовал с ними вместе, шел с ними, так сказать, куда мог.

¹ ...сам Черный Тюльпан ожил... – «Черный тюльпан» – роман французского писателя Александра Дюма-отца (1802–1870).

² ...нужны два врача. – В Англии времен Честертона достаточно было подписи двух врачей, чтобы человека признали сумасшедшим.

Я дразнил его, беднягу: если больной думает, что он стеклянный, Гейл постарается стать попрозрачней. Он действительно верил, что умеет смотреть на мир глазами безумца и говорить с ним на его языке. Я его методу не доверял.

– Еще бы! – откликнулся Баттерворт. – Что ж, если пациент хромает, и врачу хропать прикажете? Если пациент ослеп, и врачу слепнуть?

– Слепой ведет слепого³... – мрачно процитировал Гарт. – Вот Гейл и упал в яму.

– Что же с ним случилось? – спросил Баттерворт.

– Если он не попадет в больницу, – сказал Гарт, – он попадет в тюрьму. Потому я и приехал за вами так спешно. Видит Бог, не люблю я этой процедуры. Гейл всегда был чудак, но ум у него был крепкий, здоровый. А теперь он такого натворил, что я в его болезни не сомневаюсь. Он набросился на человека и чуть не убил его вилами. Но я его знаю, и меня особенно поражает, что он напал на совершенно безобидную тварь, на истинную овцу. Это неуклюжий студент-богослов из Кембриджа. В здравом уме Гэбриел никогда бы такого не сделал. Он схватывался – и то словесно, не в драке – с людьми категоричными, важными, властными, как этот брезгливый доктор Уилкс или тот русский профессор. Он не мог обидеть нелепого Сондерса, как не мог ударить ребенка. А он его обидел на моих глазах. Значит, он был не в себе.

И еще одно убедило меня в том, что он заболел. Погода была тяжкая, стояла жара, надвигалась гроза, но раньше на него такие вещи не действовали. Каких он только глупостей не делал! Мне говорили, он стоял в саду на голове, но это он хотел показать, что грозы не боится. А тут он был очень возбужден, даже разговор о грозе его возбуждал. Собственно, все ужасы и начались с простого разговора о погоде.

Как-то мы были у леди Флэмборо в саду. Накапывал дождь, и хозяйка сказала одному из гостей: «Вы принесли плохую погоду». Слова эти самые банальные, но тут она сказала их Герберту Сондерсу, а он очень робкий, неуклюжий – знаете, такой долговязый юнец с большими ногами. Сондерс страшно смутился и что-то хмыкнул, но Гейла эта фраза взвинтила. Потом он встретил леди Флэмборо в гостях. Снова шел дождь, и Гейл показал на долговязого Сондерса и шепнул, словно заговорщик: «Это все он». И вот наконец его сразило простое совпадение – они ведь бывают, но на сумасшедших слишком сильно действуют. В следующий раз мы с ним были у миссис Блэки. Погода стояла прекрасная, и хозяин показывал нам свой сад и теплицы. Потом мы пошли пить чай в большую синева-зеленую комнату, и тут явился запоздавший Сондерс. Когда он усаживался за стол, все подшучивали над ним, говорили о погоде и радовались, что примета не сработала. Мы встали и разбрелись по комнатам. Гейл направился к выходу в сад, но вдруг застыл на месте, указывая куда-то. Этот жест испугал меня, но когда я взглянул, я был поражен не меньше: окна, еще недавно ярко-голубые, были черными от дождя. Десять минут назад сад сиял, как сад Гесперид,⁴ а сейчас ливень лил так, словно начался в прошлом столетии. Гейл постоял, поглядел, обернулся и взглядом, которого мне не забыть, пронзил Герберта Сондерса.

Сами понимаете, я не верю в колдовство или в ведьм, призывающих бурю, но здесь и впрямь выходило забавно. Конечно, это простое совпадение, но я боялся, что оно повлияет на психику моего бедного друга. Они с Сондерсом стояли и смотрели в одно и то же окно на залитый ливнем сад и мечущиеся ветви. Простодушное лицо студента выражало лишь незлобивое удивление, он даже смущенно улыбался, как будто его похвалили. Он ведь из тех, кого похвала смущает больше, чем обида. Конечно, он видел только смешную сторону дела и думал, что наш климат снова подшучивает над ним. Лицо же Гейла было ужасно.

³ *Слепой ведет слепого...* – «...может ли слепой водить слепого? не оба ли упадут в яму?» (Евангелие от Луки, 6:39).

⁴ *...сад Гесперид...* – в греческой мифологии сад, расположенный на крайнем западе у берегов реки Океан, где нимфы Геспериды охраняют золотые яблоки вечной молодости.

Когда белый свет молнии разорвал тьму, я увидел, что оно искажено гримасой торжества; загремел гром, мгновенно стемнело, но я знал, что Гейл непонятно и зловеще ликует. И я услышал сквозь раскаты: «Ощущаешь себя Богом!»

Прямо под окном начиналась тропинка, бегущая к саду через луг, где недавно косили сено, и сейчас большая копна возвышалась темным холмом на фоне свинцовых небес, а большие вилы, воткнутые в нее, чернели довольно зловеще. Это, я думаю, тоже возбудило воображение Гейла, он вообще принимает странные зрелища как знамения. Тут прибежали хозяева. Старый Блэрни боялся, что сено погибнет, а жена его больше тревожилась о каких-то особенных креслах, которые остались за лугом, под огромной яблоней, чьи ветви извивались и бились на ветру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.